

Зинаида Владимировна Рихтер На «Литке» к острову Врангеля Записки участника спасательной экспедиции с 13 фотографиями

В плену у льдов

10 августа . Утро, туман. На траверзе выступают очертания о. Геральда, от которого мы ни на шаг не отошли за весь вчерашний день, сколько ни бились.

Льды неощутимо уносят на юго-юго-запад. Ночью нас так сильно дрейфовало, что якорь, волочащийся по дну, стал совсем отполированным. Хотя он и не в силах удержать ледорез, но все же несколько задерживает движение, а главное помогает держать судно носом против дрейфа, — и поэтому для судна меньше опасности быть раздавленным, как орех.

В полдень немного прояснилось. Появились трещины и небольшие полыньи. Воспользовавшись этим, сейчас же пошли. Но, пройдя с большим трудом за вахту 8 миль, снова должны стать на якорь. В течение дня дважды мы пытались итти, но тотчас же снова останавливались.

Капитан не показывается в кают-компани. Помощники на все вопросы отвечают уклончиво. Настроение, как на фронте, при приближении врага, силы которого неизвестны. «Враг» со всех сторон и каждую минуту может перейти в наступление, стиснуть, раздавить судно.

Вечером капитан вызвал меня к себе:

— Вас, конечно, интересует положение, в котором мы находимся, — прямо приступил он к делу. — Вот, прочтите телеграмму, которую я отправляю в АКО.

На телеграфном бланке крупным, четким почерком было написано всего две строчки:

«Литке окружен мелким битым льдом до 5 метров толщиной. Стоим $71^{\circ}8'24''$; Ветер северо-восточный».

Не скрывая разочарования, я перечитываю ничего не говорящую мне телеграмму.

— Вас не удовлетворяет это сообщение, — усмехается капитан. — Но, честное слово, мне больше нечего сообщить, а по части беллетристики я не специалист. Одно могу сказать вам: с того момента, как мы вышли в Ледовитый океан, мы находимся во власти стихии. Предугадать, чем кончится наш дрейф совершенно невозможно. Будем надеяться, что льды разойдутся и пропустят нас к острову Врангеля. Но отнюдь не исключена возможность, что нам придется продрейфовать со льдами к Северному полюсу или разделить участь «Карлука» и «Жаннеты».

Выйдя от капитана, я остановилась на палубе. В голубоватых сумерках светлой полярной ночи белеет под снежным покровом застывший океан. Необъятный горизонт светел и мертвенно неподвижен. Редкими ватными хлопьями начинает падать снег.

11 августа . С утра — пурга. Снежные шквалы налетают на борт, подметают палубу, закручиваются снежным смерчем выше трубы. Накренившийся на бок ледорез заносит точно кибитку, застигнутую в степи сибирским бураном. Стальные кони застыли, как вкопанные. Если б не легкий дымок из трубы, можно было бы подумать, что судно на зимовке.

Ветер в сторону мыса Дежнева, а дрейф на юго-восток. Дрейф льдов относит нас назад, отнимая завоеванное с таким трудом пространство.

Ветер 10 баллов. Плотно сдвинувшиеся вокруг нас торосы преградили путь к отступлению. Можно с минуты на минуту ожидать нового сжатия льда. Корпус ледореза может не выдержать сильного напора полярных льдов. Необходимо приготовиться на тот

случай, если судно раздавит и экипажу придется спасаться на лед. Капитан приказал приготовить вещевые мешки. Мешок вмещает 40 коробок тушеного мяса, 10 коробок сардин, четверть фунта чаю, 20 фунтов галет, 3/4 фунта какао, 5 фунтов сахара, 5 фун. мяса, 3 фунта сала, 1 пачку спичек. Запас этот должен хватить на 45 дней. Сходя на лед, участники экспедиции должны надеть вещевые мешки и разделить между собою следующие предметы, необходимые для путешествия по льдам: войлочные палатки, складные шлюпки, лопаты, примусы, банки с керосином.

Во время вечернего чая входит в кают-компанию чем-то сильно взволнованный радист Мешалин с телеграфным бланком в руках.

— Шхуна «Елизиф» погибла, — объявляет он среди сразу воцарившегося молчания. — Раздавлена льдами.

Страшная новость ошеломляет всех. Воображение рисует жуткие картины гибнущей во льдах шхуны. И так близко от нас, в нескольких десятках километров... Но мы сами скованы льдами и не можем оказать никакой помощи погибающим.

Радист Мешалин, находившийся в рубке, первый услышал призывы гибнущей шхуны.

— SOS («спасите наши души»).

Мешалин сейчас же отозвался. «Елизиф» успел сообщить, что шхуна получила большую пробоину и с минуты на минуту должна пойти ко дну. Экипаж уже на льду... Остался один радист, но и он должен сейчас покинуть судно, так как слышит страшный треск — судно гибнет.

На этом сообщение обрывалось.

Дублицкий немедленно послал телеграмму хозяину «Елизифа» Свенсену, находившемуся на шхуне «Нанук» недалеко от места катастрофы. Одновременно капитан передал о случившемся «Ставрополю», прося его оказать помощь экипажу «Елизифа». «Ставрополь» находился всех ближе к «Елизифу».

Впоследствии мы узнали, что «Елизифу» удалось выбраться на берег. Экипаж спасся, но судно было безнадежно повреждено.

В этот вечер в кают-компании, как всегда, мы заводим граммофон, громко спорим и смеемся, но время от времени все поглядывают на окна каюты, за которыми бушует пурга. В порывах и завываниях ветра всем как бы чудятся голоса погибающих в эту минуту в разных морях мореплавателей.

— Спасите наши души.

Ночью пурга утихла, снег перестал и мы пытаемся итти. Но густая шуга, образовавшаяся из выпавшего снега и искрошенного винтами льда, как замазка, прилипла к бортам и лопалям винта, затрудняя движение. Около двух часов ледорез без всякого успеха месит эту ледяную замазку и, в конце-концов, убедившись в бесполезности этого занятия, прекращает работу.

С правого борта в верхнем твиндеке обнаружена течь. Дыру заделали досками и цементом.

Всю следующую неделю проводим в дрейфе, не предпринимая новых попыток пробиться к острову Врангеля. Окружающие нас сплошные льды кажутся совершенно непроходимыми, неподвижными. Небольшие трещины и полыньи, подернувшиеся тонким стеклом, исчезли под глубоким выпавшим снегом.

На окружающем нас необъятном снежном поле «Литке» кажется ничтожной примерзшей скорлупкой.

Дублицкий полагает, что лед еще не отошел от берегов острова Врангеля, вследствие поздней весны. Мы пришли немного рано, надо выждать. Мертвая неподвижность окружающей нас ледяной пустыни убеждает в полной бесполезности всяких попыток сбросить ее ледяные оковы.

Ледорез "Федор Литке"

Запас топлива позволяет нам выждать на месте еще дней десять. Это очень большой

срок. В десять дней картина льдов может совершенно измениться. Изредка, когда туман редет, открывается остров Геральд. Странно, остров показывается каждый раз не в том направлении, где рассчитываешь его увидеть, — то он показывается впереди нас, против самого носа, то с правого, то с левого борта.

Загадка объясняется просто... Мы вместе со льдами как бы танцуем вальс перед островом Геральда или описываем восьмерки, как фигурист на коньках.

Видимо, к югу от Геральда имеется какое-то коловратное течение, которым и объясняется наш сложный дрейф.

В тот день, когда нам впервые открылся остров Врангеля, мы находились от него в 20 километрах, а сейчас в 40–48 километрах. Все же в ясную погоду можно видеть слабые очертания гористого острова.

Всех нас очень занимает вопрос: видели ли на острове Врангеля дым из трубы ледореза, когда мы были совсем близко от острова? В тот день воздух был очень чист, и дым мог быть виден. Если видели, то что они переживают? Первый пароход за три года! Иной раз нам кажется, что мы видим на льду людей и собак, направляющихся к нам с острова Врангеля, — но, разумеется, это мираж.

А что если на острове кончились запасы продовольствия и люди голодают? Званцев и Сенатский хотят немедленно отправиться пешком на остров Врангеля, чтобы выяснить положение, но капитан решительно отклонил их самоотверженное предложение, говоря, что еще рано думать о вылазках.

Гора Аттерион (вид с востока)

Дни дрейфа «Литке» походят на томительную осаду. Неопределенность положения и вынужденное бездействие начинают действовать на всех. Неуравновешенность, нервозность чаще проявляются в кают-компании, чем в красном уголке, где собирается команда. Любопытно, что бывалые полярники, по многу раз зимовавшие во льдах, проявляют больше беспокойства, чем новички. Последние в том, что с нами происходит, прежде всего, видят занимательную, приключенческую сторону, тогда как «старики» отлично сознают всю рискованность зимовки в открытом океане, да еще на таком неприспособленном судне, как «Литке». Зимовать в открытом океане, разумеется, гораздо опаснее, чем у берегов Сибири.

Команда отдыхает. Пары поддерживаются двумя котлами. Свободного времени остается много. Матросы и кочегары собираются в красном уголке, играют в шахматы, читают газеты и журналы, да поругивают радиста за то, что тот не мог наладить громкоговорителя, который у нас оказался громкомолчком. Время от времени в красном уголке устраиваются доклады.

Каждый день предпринимаются небольшие ледяные разведки. Нужно иметь большой опыт, чтобы ходить по пловучим льдинам, перебираясь через торосы. Первое время чувствуешь неловкость и беспомощность человека, впервые очутившегося на скетинг-ринге и надевшего ролики. Блеск и сияние полярных льдов ослепляют, перестаешь видеть под ногами. Экипаж одет во что попало. Многие так и проходили весь рейс в летних парусиновых туфлях и соломенных панамах. Полярное обмундирование для всего экипажа находится в неприкосновенном запасе, и из него ничего нельзя взять до тех пор, пока судно не станет на зимовку.

Сегодня теплый и солнечный день, и я решила прогуляться в сторону острова Врангеля. С борта ледореза мне казалось, что поверхность океана покрыта сплошной ледяной корой, но вблизи видишь, что в этой коре есть большие трещины, которые то-и-дело приходится перепрыгивать. Попадаются и довольно большие озера и бездонные колодцы. Лдины колеблются под ногами.

Ночью слышатся отдаленные, как бы орудийные выстрелы. Это происходит сжатие

льдов. Льдины, налезая друг на друга, образуют новые торосы.

18 августа . В 2 часа дня с правого борта на ровном белом поле большой льдины наметилась трещина, края которой быстро, на глазах стали расходиться. От этой трещины во всех направлениях пошли другие. Толстый ледяной покров расползается по швам на глазах сбежавшегося экипажа. Всюду проступает вода, образуются полыньи. Видневшаяся невдалеке небольшая полынья превратилась в огромное озеро. Лед трещит и ломается, как спелые арбузы на бахче.

Радостное возбуждение охватывает нас всех. Кончилась наша вынужденная стоянка. Лед расходится.

Около пяти часов, разведя пары, «Литке» пошел на юго-восток, пользуясь полыньями и трещинами.

Снова на мостике раздается спокойная, уверенная команда капитана, передающаяся по телеграфу в машинное отделение, снова на носу столпился весь экипаж, приветствуя радостными возгласами гибель больших, тяжелых льдин, расталкиваемых и опрокидываемых ледорезом.

Под вечер туман заставил остановить машину до утра. За шесть часов удалось отвоевать у льдов всего полторы мили. На шаг, а все же ближе к цели.

19 августа . Опять «стоп машина». И кажется надолго. День начался отлично. В 8 пошли. Лед был очень тяжелый, но капитан, видимо, решил пробиваться, не щадя живота. Был пущен в ход пятый котел. Подолгу с разбега ледорез атаковывал тяжелые поля и высокие торосы и пробивал себе путь. Но чем дальше, тем льды становились все тяжелее. Ледяные горы поднимаются выше спардека.

Путь ледорезу преградило большое ледяное поле. Ледорез отступил и потом, собравшись с силами, пошел прямо на льдину. Замерев мы ждали, что будет.

Ледорез на всех парах врзался в ледяное поле и... застрял. Звонит машинный телеграф: «Полный, вперед», «полный, назад», — ледорез ни с места. Прошел час, другой... Машина работает полным ходом, но заклинившийся ледорез не трогается с места ни на один вершок. Ледяные поля крепко зажали ледорез с боков, не давая ему двинуться ни вперед, ни назад... За кормой виднеется чистая вода, впереди за торосами тоже виднеются разводья, но мы, попав в ледяную ловушку, не можем тронуться с места.

Состояние заклинившегося ледореза напоминает положение лисицы из басни, засунувшей голову в глиняный горшок с узким горлышком. Лисицу можно было освободить, разбив палкой горшок, но кто мог освободить нас от ледяных тисков?..

Попробовали завести на лед якоря, надеясь этим способом, подтягиваясь на ледяных и станových якорях, сдвинуть ледорез с места. Однако, железные когти якорей не могут удержаться на льду, и легко выворачиваются, точно простые деревянные колышки, вбитые в рыхлую землю.

Весь этот и следующий день команда, вооруженная кайлами — длинными бамбуковыми шестами с металлическими наконечниками, — шлангами, не покладая рук, работает на льду, стараясь освободить ледорез; пробует подрубить лед возле бортов, а осколки протолкнуть к корме, действуя длинными шестами; направляют на льдину в щель между бортом и льдом мощную струю воды из пожарного шланга; решают перенести якоря дальше к корме и перекачивают воду с целью облегчить носовые цистерны... Но ничего не помогает... Наивными и жалкими кажутся попытки людей освободить заклинившийся ледорез с помощью тонких бамбуковых тросточек и пожарных рукавов.

На третий день замечается слабая передвижка льда, которой капитан немедленно решает воспользоваться. Машины заработали полным ходом, и, спустя четверть часа, мы свободны.

Освободившись из ледяного капкана, мы пробиваемся вперед в тяжелых льдах. В этот

день нам удастся пройти не более одной мили и снова приходится застопорить машины.

Тяжелые препятствия и частые остановки действуют на настроение команды. Каждая новая попытка пробиться — обходится нам очень дорого, уголь тает, а мы продвигаемся черепашьям шагом.

Берег о. Врангеля к западу от бухты Роджерса (налево гора Аттернон)

23 августа . Стоим на месте. Температура воздуха 6–7 градусов ниже нуля. По временам туман рассеивается и видны оба острова — Геральд и Врангеля.

Сегодня с утра изумительно яркий день. Вследствие сильной рефракции остров Врангеля точно огромный дирижабль, поднявшийся на воздух, медленно плывет над горизонтом.

Капитан послал людей посмотреть, не видно ли где разводьев. Одна партия, вернувшись, объявила, что в сторону Врангеля большие разводья и даже как-будто бы вдали виднеется чистая вода. Правда, высланная в этом направлении с целью проверить сообщение вторая партия под начальством старшего помощника не нашла никакой воды, но тем не менее все были взбудоражены. Уж очень всем хочется увидеть воду.

Несомненно, впереди вода! — взволнованно кричит доброволец, взобравшийся на марс. — Совершенно ясно вижу широкую синюю полосу.

Столь решительное подтверждение важной сенсационной новости заставляет меня сломя голову броситься к себе в каюту с тем, чтобы немедленно написать и послать по радио телеграмму в редакцию.

Обычно капитан цензурирует корреспонденции с точки зрения правильности рейсовых сообщений и морской терминологии. На этот раз он отказывается визировать наши телеграммы, сказав, что не уверен в том, что впереди действительно вода, а не обман зрения. В море, как и в пустыне, часто вводит в заблуждение марево.

Тем не менее капитан отдает приказание готовить машины.

Вначале лед очень тяжел, кочегары нагоняют пары с таким усердием, как если бы мы приближались к дому после длительного плавания. Окрыляет надежда, что впереди чистая вода, свободный путь к заколдованному острову.

После многих тяжелых усилий, пробив несколько ледяных барьеров, входим в более слабый и разреженный лед. Вид больших открывшихся полыней и легкий, давно не слышанный плеск воды, рассекаемой ледорезом, приводит экипаж в восторг. Мы радуемся виду воды, как узник, вырвавшийся из темного подвала, радуется воздуху и свету. Теперь ледорез идет свободно, легко лавируя среди пловучих льдин.

Наступает ночь. Ледорез продолжает идти, раздвигая податливые льдины, рассекая гладкую поверхность больших полыней. В кают-компанию не расходятся, никто не может спать в эту светлую полярную ночь. Охваченные радостью движения, не шумим, не спорим, изредка лишь обмениваемся замечаниями.

— Взгляните, товарищи, какая картина, — зовет кто-то, и все бросаются к окнам.

Всходит круглая ярко-шафрановая луна на неопределенно голубоватом небе полярной белой ночи. Против луны, над самым горизонтом, неподвижно нависло золотисто-красное, постепенно разгорающееся солнце. Шафранные лучи луны и кровавые — солнца повторяются во всех полынях и озерах — широких, как трюмо, и круглых, как ручное зеркальце. Торосы бросают на резкую белизну снегов причудливые тени.

Склянки пробили полночь. Вахтенный, прижавшись лицом к стеклу, смотрит в кают-компанию. В одном из окон кают-компания показывается третий лик, такой же круглый, как и небесное светило, но с приплюснутым о стекло носом. Это вахтенный смотрит на нас в окно, удивляясь, что мы не расходимся. С явным намерением дать нам понять, что пора спать, он входит в кают-компанию и задергивает шторы.

По дороге в свою каюту, я задерживаюсь на палубе. По льдам от луны бежит шафранно-золотистая дорожка до самого острова Врангеля, который сейчас виден лучше, чем днем.

К утру мы выходим почти к самой кромке льдов, приблизительно к тому месту, откуда мы вошли в лед и начали свой дрейф.

24 августа . После того, как мы выбились из тяжелых льдов кромки надо было решить, что делать дальше, — продолжать ли пробиваться к острову Врангеля или итти обратно в залив Лаврентия за углем? Угля оставалось всего 750 тонн. Момент очень острый, от которого зависела судьба рейса и участь всего экипажа.

И капитан решил.

В 8 часов утра, после целой ночи хода, ледорез стал на якорь.

— В 2 часа дня в кают-компанин соберется совещание командного состава с представителями судового комитета, ячейки, «врангелевцев» и ученых, — сказал мне один из помощников капитана. — Капитан вас приглашает.

«Литке» у входа в бухту Роджерса

Совещание единодушно постановило — итти вперед! Решение смелое и безусловно правильное.

25 августа . Идем с 8 часов средним ходом, лавируя среди разреженного, но крупного льда. С левого борта на траверзе маячит Геральд. Убедившись, что с юга невозможно пробиться к Геральду, забираем восточнее. Есть основание думать, что с этой стороны лед слабее и нам удастся прорвать ледяные траншеи, которыми огорожен остров. Может быть, если лед действительно отошел от берегов Геральда и Врангеля, это последний тяжелый форт, который нам необходимо взять, чтобы достичь цели.

26 августа . Густой туман. Опять стоим! Капитан не показывается в кают-компанин, помощники держатся еще конспиративнее, чем обычно, но в воздухе чувствуется какая-то тревога. Все чего-то напряженно ожидают.

По углам шепчутся о том, что будто бы капитан решил отказаться от дальнейших попыток пробиться к острову Врангеля. Ждем только, чтобы рассеялся туман, и тогда сейчас же пойдем обратно в залив Лаврентия за углем. С отчаянием прислушиваюсь я к этим слухам, не зная, верить или не верить им? Проверить же слух не у кого.

Обращаться к помощнику, я знала, совершенно бесполезно.

— Правильно, что идем назад... Разве можно пробиться в этих тяжелых льдах. Напрасно только тратим уголь... — раздавались голоса в красном уголке.

Раньше на подобные замечания команда отвечала градом бодрых и острых словечек, заставлявших скептиков прикусывать язык. Но теперь все подавленно молчали.

В 7 часов на судне поднялась обычная беготня, как всегда, когда начинают готовить машины. Идем! Но куда? Неужели назад?

На счастье в коридоре я столкнулась со спешившим куда-то ревизором, от которого скорее, чем от кого-либо другого, можно было узнать правду.

— Куда мы идем?

С замиранием ждала я ответа, боясь услышать, что идем в залив Лаврентия за углем.

— Вперед, вперед! — весело и возбужденно крикнул ревизор. — Попытаемся ближе подойти к Геральду. Вот только бы туман не помешал, вблизи Геральда есть банки и рифы, в тумане можно сесть на мель.

Льды снова сплотились и, не доходя миль десяти до Геральда, мы вынуждены опять остановиться, отдавшись во власть полярных льдов. В густом тумане медленно, со всей массой льдов, нас относит на север.

28 августа . Туман и дрейф. Состояние пленника, которого несут с завязанными глазами неизвестно куда. Но после того, как было принято окончательное решение итти вперед и вперед и отброшена всякая мысль об отступлении, настроение команды заметно поднялось. Все почувствовали себя легче и веселее. Чтобы ни случилось, все лучше позорного возвращения.

У цели

Новой колонии, которая останется на острове после ухода «Литке», предстоит прежде всего подготовиться к долгой темной полярной зиме. До наступления зимы необходимо успеть отремонтировать старый дом и отопить новый, который должна будет построить команда ледореза, перенести продукты с берега в пакгауз. Новой колонии будет, разумеется, гораздо легче устроиться на обжитом месте, чем первой, которая была оставлена на совершенно необитаемом и необследованном острове. У новой колонии будет радио, которого нет еще на острове, и, сохраняя постоянную связь с материком, приобщаясь к общей политической и общественной жизни Союза, они не будут чувствовать слишком большой оторванности и одиночества. Продовольствием и всем необходимым колония будет обеспечена даже слишком роскошно и недостатка не будет терпеть ни в чем.

Располагая пловучими средствами, новый начальник острова — тов. Минеев — сможет шире поставить выгодный моржовый промысел. Он предполагает организовать промышленников-эскимосов в артели и снабжать их пловучими средствами на следующих обоюдовыгодных условиях: мясо убитых моржей — эскимосам, шкуры и ворвань должны будут сдаваться в факторию, клыки — в раздел. Половина добычи — эскимосам, половина — фактории в уплату за горючее и амортизацию вельботов.

В красном уголке также обсуждают, что будет делать команда, придя на остров, точно все препятствия уже преодолены и льды непременно должны нас принести к острову Врангеля.

Работа на острове предстоит, правда, большая: выгрузка продовольствия, строительных материалов, топлива, постройка радиостанции, бани и пакгауза. В то же время судно должно будет стоять в бухте Роджерса в полной готовности, чтобы, в случае внезапного наступления льдов, немедленно сняться.

28 августа. Ночью сквозь сон ощутила, что пошли... Мгновенно вскочила и заглянула в иллюминатор. Туман рассеялся, лед разошелся, вокруг было много воды и плавали, вздымаясь, небольшие льдины.

Пролежав двое суток в дрейфе в густом тумане, мы вышли в ломаный, годовалый, проходимый лед. Но где мы? Куда нас занесли льды?

Поднявшись на палубу, я вижу к югу, милях в 5-10 от нас, несколько изменившиеся очертания все того же Геральда, вблизи которого мы вальсировали в дрейфе целых три недели. Только теперь виден северный берег, а не южный и юго-восточный, как тогда.

Сколько раз мы слышали перед началом рейса, что на север от Геральда полярные льды кочуют к полюсу, и потому очень опасно попасть с ними в дрейф. Такой дрейф два года держал в плену судно «Мод» и раздавил как ореховую скорлупу «Карлук».

Мы вышли на север от Геральда и, против всяких ожиданий, льды оказались тут не только не тяжелее, чем к югу от острова, а, наоборот, несравненно легче и проходимее. Нам удивительно повезло. Недаром говорят — смелость города берет. Разумеется, это было очень смелое решение отдаться дрейфу в убеждении, что он должен вынести нас на северную сторону Геральда.

До обеда временами встречаются довольно обширные поля сжатого льда, которые приходится атаковать с полного хода.

— Ого, вот так толчок! Этак и язык можно прокусить, — говорят за обедом в кают-компании, когда ледорез приходит в столкновение с большими льдинами.

Во время обеда вошел матрос и, наклонившись к старшему механику Гейне, что-то тихо сказал ему на ухо.

Иосиф Антонович тотчас же встал из-за стола и вышел из кают-компании. Окончили обед без него.

Встретясь позже с механиком, я спросила его, что случилось во время обеда?

— Пустяки, не стоит говорить, незначительное повреждение, — невозмутимо ответил Гейне. Но не трудно было заметить, что он чем-то сильно встревожен и только старается не показывать вида.

В красном уголке от команды я узнаю все подробности происшедшего. Форсируя сжатые поля, ледорез получил серьезную пробоину с левого борта, кроме того лопнул шпангоут около рефрижератора. Потом Гейне рассказывал, что во время осмотра повреждения ему было жутко стоять между бортом и стеной рефрижератора. Поврежденный борт ходил ходуном, точно тонкая фанерная перегородка.

Полученное повреждение не остановило ледореза. Продолжаем идти, делая по 2–3 мили в час. По мере того, как продвигаемся вперед, льды редуют, все больше открываются воды. Льдины попадаются темные, запачканные землей, видимо, недавно оторвавшиеся от берега. На некоторых из них лежат моржи.

Часам к 4–5 выходим почти на совершенно чистую воду. Ждем, вот-вот откроется берег Врангеля. Если бы не накрывший нас туман, остров наверное был бы уже виден. Измерили глубину: 15 метров.

Не оставалось никаких сомнений — мы подходим к Врангелю. Но я все еще не решаюсь послать об этом телеграмму в редакцию. Что если опять преградят путь льды, ведь столько было жестоких разочарований. Туман становится все гуще, пошел мелкий дождь. Косые полосы дождя совсем затушевали дали.

Около шести часов вдруг на палубе беготня и крики:

— Берег! Подходим к острову Врангеля! Ура! Да здравствует «Литке»!

Шум и возгласы покрывают продолжительный басистый гудок ледореза.

Впереди из тумана выступают неясные очертания длинной низкой косы.

— Надо полагать, что это коса Бруч, произносит на мостике капитан. — Течением снесло нас к северу.

Коса Бруч находится на северной стороне острова. Следовательно мы вышли значительно севернее бухты Роджерса и резиденции колонии. В дождливых сумерках на косе едва различаются очертания какого-то жилья. У самой воды белеет снег и лежит несколько бревен плавника.

Ну, раз есть шалаши, то поблизости должны быть и люди! — воскликнули мы.

«Литке» ревет. Горное эхо вторит ему в отдалении. Кажется, что полярные медведи дружным ревом отвечают на приветствие ледореза.

Впоследствии мы узнали, что несколько эскимосов, живущих на северном берегу, находились в тот момент, когда мы подошли к косе, недалеко от дома, на охоте. Еще до того, как мы начали давать сигналы и ледорез загудел, зоркие охотники заметили дым корабля и поспешили в бухту Роджерса к начальнику острова, чтобы предупредить его; ведь судно могло быть иностранным.

Взяв гидрологическую станцию (пробу измерения воды на различной глубине) и определившись по пеленгам, насколько позволяла неточная карта, мы направляемся вдоль восточного берега на юг, к бухте Роджерса. Как мы и предполагали, льды отошли от восточного берега острова, но не уходят далеко и держатся невдалеке густой белой массой. Высокие нагромождения торосов совершенно забаррикадировали подступ к острову с юго-востока, где мы 20 дней провели в тяжелом дрейфе и едва не были раздавлены. Теперь было ясно, что, не рискуя мы пойти необычным путем, т. е. севернее острова Геральда, нам никогда бы не достичь Врангеля.

Дождь усиливается. Сбегают с палубы струйки воды такой скользкой, что ноги разъезжаются. Барометр сразу упал. От волнения и холода зубы выбивают дробь. Сердитый плеск черных волн, с силой ударяющих о борт, и покачивание ледореза после мертвой тишины долгого дрейфа воспринимаются как совершенно новое ощущение. Изредка чувствуются толчки от столкновения со льдинами, гонимыми свежим нордовым ветром на юг. Изредка за бортом белеют неподвижные ледяные груды сидящих на мели торосов.

Виднеющийся в полумиле гористый, голый, запорошенный снегом берег в эту бессонную, ненастную ночь производит до жути неприветливое впечатление. Но никто не уходит с палубы. По мере того как мы приближаемся к острову, нас все сильнее и сильнее охватывает беспокойство. В каком состоянии мы найдем колонию? В памяти невольно

возникают тревожные, волнующие слухи, которые нам приходилось слышать в Москве и во Владивостоке о колонии.

Под утро открываются живописно-дикие скалы мыса Уэринг. До бухты Роджерса отсюда менее часа ходу.

— Пойдем поздравим капитана с счастливым достижением трудной цели, — предлагает Минеев.

В виду важности события рискнули подняться на запретный капитанский мостик. Сияясь казаться спокойным, капитан пожимает нам руки и говорит:

— Со своей стороны от души поздравляю вас. Уверен, что все вы рады успешному завершению экспедиции не меньше, чем я сам.

В 4 часа 20 мин. подходим к бухте Роджерса. Пять голых холмов. На близком расстоянии берег кажется необитаемым. Волнуясь, обыскиваем мы в подзорную трубу берег и, наконец, находим одинокий домик, поодаль — пакгауз и две-три яранги.

«Литке» густо гудит, давая знать о своем приходе. В окнах домика зажглись и беспокойно забегали керосиновые огоньки. Кто-то поспешно сбежал с крыльца и направился к берегу, на ходу разряжая винтовку в воздух.

В стороне от дома на мачте взвивается красный флаг. Одновременно на берегу вспыхивает большой костер, разведенный сбежавшимися островитянами. Дом, украшенный кумачовыми плакатами с приветствиями новой смене, кажется пылающим от света костра.

На краю берега, у самой воды, заметались люди и собаки. Ветер доносил до нас нестройные салюты островитян.

Что должны были испытывать колонисты, услышав гудок корабля — первый за три года?

От прилетавших аэропланов они знали о приближении «Литке», но видя, что лед кругом не расходится, почти перестали надеяться, что нам удастся гробиться к острову. Начальник острова Ушаков был на мысе Гавайи и вынес впечатление, что тяжелое состояние льдов в нынешнем году не позволит никакому ледоколу подойти к острову. Колонисты стали готовиться к четвертой зимовке. Разбуженные среди ночи подошедшим пароходом, они встревожились: не иностранное ли судно?

В 1927 году, — узнали мы потом, — к острову подходило американское судно. Судно крейсировало вблизи бухты Роджерса, не выполняя обычных правил и игнорируя хозяев острова. Американцы спустили шлюпку, но, увидев вооруженных людей на берегу, повернули обратно. Подозрительное поведение шхуны и память о прежних попытках канадского правительства оккупировать остров Врангеля заставили начальника острова Ушакова вооружить колонистов.

Американское судно пробыло в районе острова Врангеля несколько дней и исчезло. Предполагая, что оно может вернуться, Ушаков, уезжая на охоту, предупредил, чтобы за ним немедленно послали, если судно снова приблизится к берегу.

Красный флаг «Литке» рассеял опасения островитян. Приход «Литке» для колонистов означал возвращение к горячему южному солнцу, к цветам и зелени, к шумным городам с трамваями, автомобилями, театрами, возвращение к культуре, общественно-политическим интересам — ко всему тому, чего они были лишены долгих три года. Радости, которые сулили юг и культура, не прельщали лишь одного человека — Г. А. Ушакова, начальника острова Врангеля. Ему было очень тяжело покинуть «освоенный», обжитый им малодоступный полярный остров и эскимосов, с которыми он близко сроднился, деля с ними в течение трех лет лишения, опасности и радости суровой полярной жизни. Тридцать шесть месяцев стойкой борьбы с жестокой полярной природой, борьбы за жизнь людей, вверивших себя ему, за выполнение задачи, возложенной на него советским правительством и общественностью, борьбы с темнотой и предрассудками эскимосов, почти первобытных людей, для которых он сумел стать не только начальником колонии, но и любимым вождем, — все это связывало Георгия Алексеевича Ушакова с затерявшимся во льдах полярным островом.

Экипаж толпится на корме, с живейшим интересом смотря на приближающуюся к судну байдару с островитянами.

Байдара подошла к ледорезу. Один за другим поднимаются на борт одетые в меха люди. Первым поднялся и ступил на палубу высокий, худощавый, лет 30 человек в американских высоких желтых ботинках, кухлянке мехом наружу, кепи и темных очках-консервах, с биноклем на груди. Неторопливым движением он сдвинул на лоб консервы и со сдержанной спокойной улыбкой, близоруко сощурившись, оглядел нас всех с тем удивленным и растерянным видом, который бывает у людей, задремавших на минутку и разбуженных громким смехом и шутками. Но только «сон», от которого мы пробудили этого человека, продолжался не минутку, а целых три года.

Капитан Дублицкий выступил вперед и протянул ему обе руки.

— Дублицкий.

— Ушаков.

Молча крепко обнялись и расцеловались. Стоявшие вокруг выдавшие виды моряки были заметно взволнованы. Ушаков, переходивший из объятия в объятие, не терял самообладания. В эту минуту его выдержке позавидовал бы герой любого клондайкского рассказа.

Г. А. Ушаков

Следом за Ушаковым поднялся, еле скрывая волнение, врач Савенко. За ним — человек в туземных торбозах, в пестрых нерпичьих штанах, в клетчатой кэпи, с английской трубкой в углу рта, невозмутимо спокойный, как будто все, что здесь происходило, совершенно не касалось его. По цвету лица его, слишком смуглого для европейца и недостаточно темного для эскимоса, нетрудно было догадаться, что перед нами кладовщик и переводчик Павлов — мулат (отец — русский, мать — камчадалка). Павлов родился на Чукотке, в Анадыре, учился в Петропавловске, потом учительствовал на Чукотском побережье, женат на эскимоске и пользуется среди эскимосов, большим влиянием.

За ним поднимается высокий, крепкий, с красным обветренным лицом промышленник Скурихин, считающийся одним из лучших охотников на Камчатке.

Поднявшиеся на борт островитяне отнюдь не походят на голодающих, какими мы себе их представляли. Вид у них, пожалуй, был лучше, чем у многих из нас после полуторамесячного морского путешествия и дрейфов во льдах. Эскимосы хорошо одеты, куда лучше тех эскимосов и чукчей, которых мы видели в заливе Лаврентия.

Георгий Алексеевич Ушаков был немало удивлен, узнав о том, как сильно беспокоились на материке о судьбе врангелевской колонии и какие невероятные слухи распространялись о ней.

— Не понимаю, зачем надо было бить такую тревогу, — говорил он. — Ведь достаточно было заглянуть в фактуры, подсчитать, сколько всего завезено на остров, чтобы убедиться в том, что нам не угрожало ничего страшного. Огнестрельных припасов у нас осталось еще года на два. Мы прекрасно можем провести не только четвертую, но и, пожалуй, пятую зиму. Имея оружие и огнестрельные припасы, на острове Врангеля нельзя умереть от голода.

Первый год, по словам Ушакова, был самым тяжелым для колонистов. Высадив первых колонистов на необитаемый остров 15 августа 1926 года, пароход «Ставрополь», не достроив дома, поспешил уйти, боясь внезапного наступления льдов, и колонистам самим пришлось достраиваться, живя первое время в палатках: навесить двери, вставить окна, сложить печи, отопить дом, построить пакгауз, перенести с берега продукты. Надо было все это успеть сделать до наступления морозов и страшных на этом острове метелей. В первое время малейшее упущение со стороны начальника могло иметь губительные последствия для всей колонии.

Новые колонисты о. Врангеля

Точное время наступления зимы на острове колонистам не было известно. Зима наступает здесь внезапно, и если бы Ушаков не обратил своевременно внимания на появившуюся двухмиллиметровую ледяную корку у поверхности небольшого ручейка, протекавшего поблизости от дома, и не поспешил бы немедленно перенести с берега в дом и в пакгауз боящиеся холода продукты: сгущенное молоко, фруктовые и овощные консервы, чеснок и т. п., колонисты лишились бы ценнейших запасов. В ту же ночь ударил сильный мороз и выпал глубокий снег, и остававшиеся на берегу продукты были погребены под глубокими сугробами.

В первую осень устройство колонии помешало охоте. Кроме того, ни Ушаков, ни привезенные им эскимосы не знали острова, не знали точно, какие на нем водятся звери и птицы, где их надо искать. Птицы уже улетели на юг. Зимой на острове Врангеля остаются только вороны.

Вид дома первых колонистов зимой

Охотников было мало. Вся колония состояла из 60 человек. Из них 9 русских и 51 эскимос, преимущественно женщины и дети. Взрослых охотников всего 10 человек. Ушакову самому пришлось взяться за охоту, забросив все остальные дела, так-как прежде всего нужно было обеспечить колонию моржовым мясом на зиму.

Пловучие средства были плохие — 2 старых вельбота. Выходя на них в море в шторм, только и ждали, что вельботы вот-вот переломятся. Колония, состоявшая преимущественно из эскимосов, не могла существовать без мяса и жира, составляющих главную пищу эскимосов. Больше сотни собак также требовали мяса и жира. Их гибель была бы роковой для колонии.

В бухте Роджерса, где поселилась колония, нельзя было ждать хорошей охоты. Поэтому Ушаков расселил эскимосов по острову. Несколько семейств он поселил к западу от бухты Роджерса, несколько — на северном побережье, где самая лучшая охота. В бухте Роджерса охотникам повезло: они сразу же убили 30 моржей, что очень поддержало колонию. Однако, несмотря на все принятые меры, в середине зимы за недостатком мяса Ушакову пришлось перевести эскимосов на консервы, крупу и муку. Собак начали кормить вареным рисом. От непривычной пищи среди эскимосов начались заболевания. Переболела почти вся колония. У жены промышленника Скурихина, у русского охотника Старцева появились цинготные явления. Цингу они заполучили не на острове Врангеля, а еще раньше — на Камчатке, но страшная болезнь не получила большого распространения на острове Врангеля благодаря здоровому деятельному режиму, заведенному в колонии. В погоне за мясом, которое могло спасти колонию от распространения цинги, Ушаков, простудившись на охоте, свалился сам.

С самого начала по приезде на остров Ушаков ввел пайки. Разумная экономия дала возможность распределить продовольствие на три года с излишком. Порча продуктов благодаря принятым мерам оказалась незначительной.

Первая зима — испытание, экзамен. Опыт первой полярной зимы показал Ушакову, что благополучие колонии зависит главным образом от успешной охоты. Промышленник-охотник может отлично жить на острове Врангеля, добывая себе все необходимое для существования; были бы только огнестрельные припасы и пловучие средства. В следующие годы охота пошла хорошо, и колония чувствовала себя прекрасно. На острове Врангеля за три года умер только старик Иерок, простудившийся на северной стороне и заболевший воспалением легких, да несколько новорожденных детей. Остальные дети выжили. Всего население увеличилось за три года на четыре человека.

Ушаков произвел на всех нас прекрасное впечатление. В этом на вид мягком человеке чувствовалась большая воля.

— Казак, — определил его капитан Дублицкий. — Не смотрите, что тихоня — настойчив и упрям, своего в жизни добьется.

Перед отъездом на остров Ушаков связался с Академией наук и целым рядом научных

учреждений. Полученные от них специальные задания он выполнил с большим успехом.

Ушаков объехал весь остров кругом, пересек его вдоль и поперек и подробно исследовал. Составленная им карта совершенно меняет прежнее представление об очертаниях острова. В течение трех лет Ушаков вместе с доктором Савенковым вел на острове систематические метеорологические наблюдения, изучал состояние льдов, собрал ценнейшие коллекции полярных птиц, насекомых, морской фауны, гербарий, обширный этнографический и геологический материал. Одновременно ему приходилось заботиться о пропитании колонии и вести культурно-просветительную работу среди эскимосов, борясь с их предрассудками и влиянием шаманов.

Эскимосы очень суеверны, и это плохо отражается на охоте. Если охотник заметит, что собака зевнула, то немедленно вернется домой, какая бы ни была погода, считая, что это дурное предзнаменование. Но если чайка разинет рот, то это хорошее предзнаменование. Убитому моржу эскимос отрезает голову и кладет ее на разостланной шкуре перед ярангой носом к входу, чтобы зверь не убежал от человека. Для того, чтобы зверь не слышал запаха человека, ему разрезают меж ноздрей кожу. Убитому медведю эскимосы воздают почести — расстилают перед ним оленью шкуру и раскладывают на ней чай, хлеб, табак, сахар. Затем медведя вносят в юрту и начинается пир, продолжающийся 3–5 дней. Охотник, сидя перед своей добычей и ударяя в бубен, занимает ее сказками. Это в самый-то разгар охоты!

Много усилий стоило Ушакову убедить эскимосов по крайней мере сократить эти убыточные поминки. Неожиданную поддержку оказал ему покойный старик Иерок, к которому эскимосы относились с большим уважением. Иерок сказал эскимосам, что обычай этот существует на родине, на Чукотке, а так как они находятся на острове Врангеля, то могут не исполнять его. Эскимосы согласились с мудрым разъяснением старика.

Ушаков развенчивал, разоблачал перед эскимосами проделки и фокусы шамана, используя для этого каждый удобный случай. Приходилось зорко наблюдать за шаманом, за всем, что он говорит и делает. В результате шаман пришел к убеждению, что начальник острова сам большой шаман, от которого ничто не может укрыться.

После того как на северной стороне смертельно простудился Иерок и там же заболел Ушаков, эскимосы стали бояться северной стороны, считая, что там живет чорт. Много пришлось приложить стараний, чтобы разубедить их в этом. Ушакову посчастливилось убить на северной стороне прекрасного золотистого медведя, и это произвело на эскимосов большое впечатление: они стали меньше бояться северной стороны.

Врангелевские эскимосы родом из голодного залива Провидения на Чукотке. В Провидении плохая охота. Беднейшие семьи охотно согласились переселиться на остров Врангеля, особенно когда узнали, что туда едет Павлов. К ним присоединились два эскимосских семейства с мыса Чаплина.

Эскимосы-охотники с результатами зимней охоты

Эскимосы приехали на остров нищими, ободранными. Они не имели ни теплых шкур, чтобы покрыть шалаши, ни ружей. Ружья, имевшиеся у них, были старые, проржавлены, вельбот — один на всех. Фактория открыла им кредит, они получили меха и постели, брезент для палаток, одежду, ружья, огнестрельные припасы и продукты.

Промышленники сдают всю продукцию своей охоты — шкуры убитых зверей, песцов, медведей, моржевые клыки и бивни мамонта, которые откапываются на острове Врангеля в большом количестве, — в находящуюся на острове факторию. Расплата происходит по желанию промышленников — деньгами или продуктами.

За три года удачливым охотникам удалось почти полностью покрыть свою задолженность. Одна беда — эскимосы очень беспечны. Если есть еда, их очень трудно заставить выйти из яранги. Выдался удачный сезон охоты, и эскимосы уже считают себя богатыми: ездят по гостям, а охоту забрасывают.

Ушакову приходилось личным примером побуждать их выходить на охоту, не боясь погоды. Видя, что начальник острова собирается на охоту в бурную погоду, покойный Иерок

и молодой охотник Таян присоединялись к нему, и тогда уже остальные следовали за ними.

Смерть Иерока была большой потерей для начальника острова. Много раз спасал он Ушакова от опасностей. Однажды Георгий Алексеевич в бурную осеннюю пору увлекся охотой и поднялся до вершины бухты Роджерса: накрыла ночь, начался шторм со снегом. Неизвестно, чем бы кончилась эта прогулка, если бы старый Иерок не созвал эскимосов и не вышел бы ему навстречу на вельботе.

Рисковать жизнью на полярном острове колонистам приходилось постоянно, и отправляясь зимой в пургу на собаках в глубь острова, и выходя в осеннюю бурную погоду в море на узкой моржовой байдаре, и охотясь на медведей в торосах, когда охотник то и дело проваливается в подернутую тонким льдом полынью.

Уезжая на остров Врангеля в 1926 г., Ушаков подписал договор, соглашаясь пробыть на острове 2 года. В 1927 году в письме, посланном с аэропланом, он писал, что готов остаться и на третий год. Без малейшего страха, а, наоборот, с большим подъемом готовился он и к четвертой зимовке, думая, что «Литке» не придет. Приход нашей «спасательной» экспедиции расстроил планы Ушакова.

К обеду на «Литке» приехали жены колонистов: З. А. Ушакова, А. С. Савенко, А. Е. Скурихина, пожилая женщина, которую эскимосы за ее дородство прозвали: «Кувы-нак» (Сам-жир) и жена Павлова, эскимоска Анна, с правильными приятными чертами и тоненькими голубыми полосками вдоль носа (татуировка). У Анны двое здоровых и крепких ребят — девочка и мальчик, родившийся уже здесь, на о. Врангеля. Дети Павлова одеты в чистенькие европейские платьица. Попробовав поднять четырехлетнюю дочку Анны, я была поражена ее весом; ребенок, казалось, был вылит из бронзы.

Жены колонистов стойко переносили суровую жизнь на полярном острове. Зимой дом заносило до верху снегом, к крыльцу приходилось прорубать снежный коридор. Окна не откапывались, в полярную двухмесячную беспросветную ночь они не нужны. Отапливались углем, воду добывали, растапливая снег. Самые обычные домашние работы в полярных условиях требовали исключительных усилий. Чтобы выстирать белье или сделать ванну, надо раньше нанести горы снега, растопить его. Пришлось побороть привычную брезгливость и научиться готовить вкусные обеды из моржового и медвежьего мяса, печенки, из лахтачьих жирных ласт, из которых получается отличное заливное.

Дети эскимосов-колонистов

Положение Зинаиды Афанасьевны Ушаковой было особенно тяжелое. Георгий Алексеевич постоянно находился в отъезде, на охоте, на обследовании, не показываясь по полтора Месяца. Оставаясь одна, Зинаида Афанасьевна, или, как ее звали эскимосы, «Арнаха» (маленькая женщина), тревожилась о муже, боясь, что с ним что-нибудь случится. Зинаида Афанасьевна выходила Георгия Алексеевича, когда он был опасно болен и находился в бессознательном состоянии. Вряд ли Георгий Алексеевич выжил бы, если бы не самоотверженный, любовный уход Зинаиды Афанасьевны. Больному необходимы были ежедневно горячие ванны, и она после бессонной ночи у постели больного мужа целый день носила снег, чтобы сделать эту ванну. Поднявшись с постели, Георгий Алексеевич не узнал исхудавшей жены. Казалось, она сама перенесла тяжелую болезнь. Возвращаясь с охоты и обследования острова, Георгий Алексеевич находил тепло и уют, чистую постель, белье, вкусный обед, нежность заботливой жены. В жестоких полярных условиях все это было настоящим счастьем и давало силы для работы. Женственная, не подготовленная к жизни на полярном острове, Зинаида Афанасьевна все же сумела ко всему примениться, все вынести.

За обедом врангелевские гости едят мало и, наконец, сознаются, что они привыкли к свежему мясу: медвежьему, моржовому. Наше мясо, правда, пахнет...

Началась поспешная выгрузка топлива, строительных материалов, продовольствия. Выгрузка осложняется тем, что ледорез не может близко подойти к берегу вследствие мелководья бухты.

Сделав предварительно тщательный промер, мы входим в бухту и останавливаемся на грунте мягкого ила и песка в двухстах метрах от берега. Спустили на воду кунгасы и моторные катера. От «Литке» к берегу и обратно засновали маленькие катерочки, тащившие на буксире груженные до верху кунгасы.

В разгрузке участвует весь экипаж. Временами выгрузку приходится прекращать из-за сильного ветра, поднимающего большую зыбь, мешающую груженым шлюпкам сообщаться с берегом.

С выгрузкой и постройкой дома приходится очень торопиться. Каждую минуту может начаться наступление льдов и отрезать нам путь к возвращению.

Капитан Дублицкий, отпуская нас на берег, предупреждал, чтобы мы далеко не заходили. Если бы началось наступление льда, «Литке» пришлось бы немедленно сняться с якоря. Отстать же от парохода — значило рисковать остаться на острове на годы.

Спустившись по веревочному трапу, перекинутому через борт ледореза, прыгаю в переполненную чукчами байдару. Чукчи-гребцы налегли на весла, и легкая байдарка из моржовой кожи, словно подхваченный течением бобовый стручок, понеслась к берегу.

Напротив меня в байдаре три островитянки с острова Врангеля с милыми татуированными лицами: одеты они в меховые комбинации, с длинными рукавами, опушенными росамахой. За пазухой у всех напиханы гостинцы, полученные от наших моряков.

Постройка нового дома на о. Врангеля

Вчера на рассвете, когда мы входили в бухту Роджерса, с борта «Литке» берег казался нам почти пустыней. Но сейчас днем, подплыв ближе, я увидела на самом берегу поселение. Фасад главного дома украшен красными полотнищами с надписью: «Да здравствует СССР», «Добро пожаловать», «Привет новой смене». Вдали виднеется пакгауз, а вправо от него разбросанные юрты и балаганы для сушки мяса. В стороне особняком стоит крошечный домишко промышленника Скурихина. У Скурихина был раньше домик побольше, но минувшей зимой от неисправной печки он загорелся. Колонисты пережили жуткую ночь. Разраставшийся пожар грозил оставить всех на пустынном острове без крова.

Мы — у берега. Гребцы, соскочив в воду, вытащили байдару. С особым чувством вступаю я на врангелевскую землю. Путь к этому острову так труден, так рискован и неисследован, что, очутившись на нем, невольно чувствуешь себя маленьким Колумбом.

Первыми нас встречают на берегу собаки. К моему удивлению один из этих свирепых псов бросается ко мне с радостным визгом. Я признаю в нем тотчас одну из собак, привезенных нами на «Литке» и уже переправленных экипажем на землю.

На острове собаки фактории не уживаются с собаками эскимосов. Если одна из них рискнет забежать на чужую территорию, мигом затевается отчаянная драка. Привезенные нами новые собаки заняли нейтральную зону, образовав третий собачий коллектив.

Подхожу к домику, в котором три года прожили наши первые колонисты, и попадаю в суматоху спешных сборов к отъезду.

В четырех комнатах дома, обставленных городской, привезенной с материка мебелью, помещались три семьи: начальник острова с женой, врач с женой и кладовщик Павлов с женой и двумя детьми.

В комнате Ушакова много книг, микроскоп, естественнонаучные коллекции, охотничьи

принадлежности. Все это разложено по столам, стульям, на полу, ждет упаковки. Георгий Алексеевич достает из чемодана и показывает нам редкую препарированную им шкурку розовой чайки.

Перелистываю папки гербария, в котором любовно расправлен каждый цветочек, каждый листик, каждая тычинка. Ушаков собрал на острове 80 видов различных растений. Из древесных пород на острове Врангеля имеется только полярная карликовая ива, достигающая самое большее 15 сантиметров в высоту. Флора — точное повторение Чукотки, но более красочная: пышные маки, сильно развиты камнеломки и сложноцветная пушница. Имеются злаковые (вегетационный период — с 1 июня до середины августа). Однако, по мнению Ушакова, в южных долинах можно сажать картофель, редиску, салат и лук.

Все работы Ушакова поражают аккуратностью и тонкостью выполнения. Рассматривая прекрасно вычерченную им карту о. Врангеля, я спрашиваю его:

— Вы инженер?

Наши моряки ни за что не хотят верить, что Ушаков, так хорошо сделавший съемку острова и вычертивший его карту, не имеет никакой специальной подготовки. Первая карта острова Врангеля составлена в 1881 г. Берри, капитаном американского судна «Роджерс». «Роджерс» и «Корвин» были первыми судами, подошедшими к острову Врангеля и произведшими высадку. Это была экспедиция, посланная на розыски пропавшей без вести «Жаннетты». Впоследствии некоторые исправления в очертаниях западного берега острова были внесены «Вайгачем» — судном гидрологической экспедиции в Северный Ледовитый океан.

На ушаковской карте косы северного берега занимают несравненно меньшее пространство, чем на старой, и тянутся они не в долготном, а в широтном направлении. Раньше предполагалось, что на севере горы подходят к самому берегу; в действительности же, как установлено Ушаковым, они начинаются в 25 километрах от берега, который представляет собой ровную тундру.

Собираясь на остров Врангеля, Ушаков подобрал прекрасную библиотеку, много редких книг, и это очень помогло ему в его работах на острове. Комната отеплена, стены покрыты толем, войлоком, а поверх — японскими циновками. В углу собственноручно сложенная Ушаковым кирпичная плита. Незнакомому с печным делом Ушакову пришлось много повозиться с устройством печи, но вышла она на славу и не дымила. Полярной зимой в отепленном домике все же было холодно. Зинаида Афанасьевна поверх привычного тонкого белья и легких городских платьев, с которыми трудно было расстаться, как с памятью о далекой культурной городской жизни, надевала шерстяное белье, меховую шубку и торбоза, меховой капор. На стене висит календарь, написанный от руки, на котором колонисты отмечали крестиками каждый ушедший день. Календарь их расходился с нашим на один день.

Берег о. Врангеля к ю.-з. от бухты Роджерса

В комнате доктора Савенко мое внимание привлекло крошечное зеленое растеньице, вывезенное из Японии и благополучно перенесшее три полярных зимы.

Комната Павловых больше похожа на юрту или ярангу. Жене Павлова — эскимоске Анне — редко удается водворить порядок, так как у Павловых постоянно останавливаются в гостях эскимосы, приезжающие с западной и северной стороны. Семьи Ушаковых и Павловых жили в тесной дружбе. Комнаты их были расположены рядом, и дверь никогда не запиралась. Дети Павловых, особенно старшая Юлька, все время вертелись у Ушаковых, полюбивших их, как своих. Жизнь на острове, совместные поездки и охота связали Ушакова и Павлова узами необычайной дружбы. Ушаков нашел в Павлове незаменимого помощника, знающего полярные условия и быт эскимосов, и верного друга, на которого он мог положиться во всем. Павлову очень не хотелось расставаться с уезжавшим Ушаковым, но последний уговорил его остаться, так как новой колонии было бы без него на острове плохо.

Павлов с семьей решил не уезжать и остаться на острове. Остаются также все эскимосы

и промышленник Скурихин. Скурихин отправляет с нами свою жену и приемную дочку, которую пора отдать в школу. Один Скурихин будет чувствовать себя свободнее. У него больше времени будет для охоты.

Охота на острове идет непрерывно круглый год. Зимой охотники, несмотря ни на какую погоду, объезжают капканы, расставленные на песцов. Песцовая охота продолжается с ноября по март, захватывая начало апреля. На медведей самая горячая охота осенью, когда они выходят на берег, и весной, когда самки оставляют берлоги.

Полярного медведя трудно свалить одной пулей, но и раненый он почти никогда не бросается на человека. Лишь когда врангелевские охотники убили медвежонка и неосмотрительно повесили снятую с него шкуру на палатки, в их отсутствие медведица-мать изорвала палатку в клочья.

Между прочим, эскимосы считают, что убитый зверь принадлежит тому, кто его первый заметил, а не тому, кто убил его.

Зимой белые медведи приближаются к самому дому, а песцы забегали даже в сени. Ушаков убил одного медведя у самого крыльца.

Таян, постоянный спутник Ушакова на охоте, молодой, хорошо грамотный, развитой эскимос. На материке был проводником, сопровождал всевозможные экспедиции.

— Довольны ли были эскимосы начальником острова? — спрашиваю я Таяна.

— Начальник — большой человек. Он все знает. В первый год, когда мы приехали, он сам повез эскимосов на западный берег, в бухту Сомнительную. Ночь застала нас в пути. Никто не знал острова, не знал, где надо повернуть к берегу. Начальник смотрел на часы и приказал: «поворачивайте», и мы вошли в бухту Сомнительную. Как начальник узнал, где надо повернуть — эскимосы не понимают. Начальник сам запрягает собак и погоняет их в пути. Он все делает, как эскимос, лучше самих эскимосов.

Эскимосы больше всего ценят в человеке силу, ловкость, находчивость. Они с величайшим презрением относятся к слабым и неприспособленным.

— О, с ним всегда что-нибудь случается, — с снисходительной улыбкой отзывался о докторе Савенко тот же Таян. — То с нарты свалится в снег, то запутается в постромках, упадет и ушибется.

Мать Таяна — Инкали, пожилая эскимоска, с черной челкой до бровей, хорошая портниха и обшивала всю колонию. Во время стоянки «Литке» у нее не было отбоя от заказчиков. Всем хотелось увезти на память об острове туфли работы Инкали.

Сегодня, приехав на остров рано и заглянув в ярангу Таяна, я застала его семью еще в постели за утренним завтраком.

Как и все чукотские яранги, яранга Таяна покрыта моржовой кожей.

Большая семья Таяна еще нежилась в общей постели в «пологе» (по-эскимосски «агра») и лишь одна из женщин приготовляла чай на примусе. Эскимосы спят в палатке совершенно голыми. Несколько голов, высунувшихся из-под спущенной в виде занавеса шкуры, следили за приготовлением чая. Женщина накрошила на деревянном блюде моржовое мясо, перемешала его с жиром и, разлив чай в разрозненные чашки и жестянки из-под консервов, заменяющие недостающую посуду, поставила завтрак перед самым пологом палатки. Окончив завтрак, мужчины и женщины принялись одеваться, не проявляя при этом ни малейшей стыдливости.

Обычно в яранге эскимосы снимают с себя всю одежду. Мужчины остаются совершенно голыми, а женщины — в кожаных трусах, напоминающих купальные. Выходя наружу, они надевают меховые комбинации с широким воротом, но как бы ни было холодно, они всегда для свободы движения оголяют одно плечо и руку.

Прежние обитатели о. Врангеля не оставили почти никаких следов своего пребывания. В большинстве это были люди, случайно попавшие на остров: экипажи раздавленных вблизи

острова судов, либо посланные на поиски пропавшей экспедиции.

В 1911 г. на острове Врангеля спасся экипаж «Карлука», судна экспедиции Стефансона, под командой известного капитана Бартледа, сподвижника Пири. Дрейф «Карлука» прошел севернее Геральда. Судно было раздавлено льдами в 80 километрах к северу от Геральда. Опытный капитан Бартлед успел заблаговременно выгрузить продовольствие и высадить экипаж на лед. Экипаж раздавленного судна благополучно добрался до острова. Устроив колонию, Бартлед с одним эскимосом на собаках пустился по льдам к Чукотскому берегу, чтобы дать знать о случившемся в Америку. Он благополучно добрался до северного сибирского берега и оттуда перебрался в Америку. Экипаж «Карлука» провел несколько месяцев на острове и был снят подоспевшей спасательной экспедицией.

В 1921 г. Стефансон высадил на остров оккупационный отряд, состоявший из возглавлявшего отряд сына известного канадского профессора Аллана Крауфорда, американца Нейта, еще двух американских граждан и эскимоски, взятой ими с собой в качестве кухарки. Судьба этого отряда оказалась трагичной и в свое время о ней много писали в газетах. Продовольствия отряду было оставлено всего лишь на 6 месяцев; не имея лодки, они не могли охотиться на морского зверя, между тем в продолжение двух лет ни одно из посылавшихся судов не могло подойти к острову. Прибывшая, наконец, на остров спасательная экспедиция нашла на нем эскимоску и труп Нейта. Крауфорд с другими американцами, отчаявшись в приходе спасательного судна, оставив заболевшего цынгой Нейта, отправились пешком на материк и оба, очевидно, погибли.

На смену погибшему отряду тем же Стефансоном была высажена другая колония, состоявшая из эскимосов. Начальником колонии был американец Уэльс. Отряд этот был снят в 1924 г «Красным Октябрем», судном гидроэкспедиции Давыдова, который водрузил на острове Врангеля советский флаг.

Площадь острова — 7000 квадратных километров, и почти две трети этой площади занимают горы. Некоторые из их вершин, как например, Пик Берри, достигают высоты в 750 м над уровнем моря; встречаются исполинские порфиновые и гранитные скалы.

Климат на острове Врангеля, говорит Ушаков, очень суровый, зима тянется десять месяцев; из них два месяца длится полярная ночь, и солнце совсем не показывается. Морозы достигают —60°, часты страшные метели. Зимой на острове — мертво. Изредка пролетит ворон с белыми от инея бакенбардами, редко встретится след медведя. Тишина. Слышен только скрип снега под полозьями, да собственное дыхание. Мороз настолько крепкий, что на снегу тяжелые нагруженные нарты оставляют лишь блестящую полосу.

Налетит снежная пурга, и охотники по несколько дней блуждают близ дома. Однажды в пургу чуть не погибло несколько эскимосов. Они заблудились, возвращаясь с охоты, и начали уже, голодая, есть ремни.

Окончание полярной ночи, восход солнца — важное событие на острове. Все оживают. Летом остров совершенно преображается, прилетают птицы: пуночка — первый вестник весны, за ней прилетают кайры, чайки, гуси. Летом на острове масса птиц. Один охотник в день иногда убивает штук 200 гусей. Набитой птицы на одной нарте не увезти. Колония отъедалась, делала запасы дичи и птичьих яиц.

За 7 дней, проведенных нами на острове Врангеля — с 29 августа по 5 сентября, — разумеется не было возможности осмотреть весь остров. Далеко отходить от колонии нельзя было, не рискуя остаться на нем; кроме того, все время дул сильный ветер. Отправившийся было в глубь острова в сопровождении Таяна геолог Кальянов на следующий день вернулся обратно.

Приходилось довольствоваться рассказами Ушакова и рассматриванием его отличной коллекции фотографий с видами острова.

Второй день дует свежий нордовый ветер. Сильная зыбь, но выгрузка продолжается. На

берегу выросла гора из всевозможных грузов. Едва были выгружены строительные материалы, как началась постройка радиостанции и бани на косе.

Дом-радиостанция построен по плану Наркомпочтеля. Он очень красив, основателен, высок, с огромными окнами, но не приспособлен для полярной зимы: потолки слишком высоки, окна и двери слишком велики. Старые колонисты утверждают, что в нем зимой нельзя будет жить. Придется окна забить досками, завесить шкурами. Рациональнее было бы вместо одного большого дома поставить несколько полярных домиков, которые требовали бы меньше топлива. При радиостанции — квартира из трех комнат. В старом доме будет жить начальник острова с женой, доктор и кладовщик с семейством. В новом — радисты и наблюдатель.

Г. А. Ушаков выезжает на обследование о. Врангеля

Эскимосы с величайшим интересом наблюдают за выгрузкой и постройкой дома. Постепенно стягивается к колонии все население острова. Сегодня прибыли эскимосы с северной стороны, первые заметившие «Литке».

Дни нашего пребывания на острове Врангеля проходят в торопливой и лихорадочной работе. Все чувствуют себя, как на фронте в ожидании внезапного наступления. Пропустившие нас льды каждую минуту могут вновь окружить нас и запереть на годы в полярной бухте.

На берегу кипит строительная горячка. Чайки с пронзительным криком кружатся над быстро воздвигающимися новыми постройками. Строители сбросили полушубки и поминутно оттирают пот с лица. День совсем летний. Перекликаются мотористы, то и дело подвозящие с «Литке» всевозможные грузы. Из кают-компания извлечены даже мягкие кресла — они будут оставлены на память колонистам.

Дом-радиостанция, крошечная баня и пакауз уже почти готовы. Из широких окон выросшего в несколько дней нового большого дома открывается студеный простор Северного океана.

Воспользовавшись первым солнечным днем, решаю подняться на одну из ближайших гор. Почва местами совсем не оттаяла. Кое-где лежит снег. Приходится далеко обходить топкие места. Склон горы покрыт лишаями, мхами, красными и бурыми листочками, плотно прижатыми к земле. Подъем становится все круче. Солнце припекает по-южному. Сбрасываю кожаное пальто на землю — оставить его не опасно — некому взять. Но и в вязаном свитере жарко. Через некоторое время стягиваю свитер и остаюсь в одной блузке. Оглядываюсь, вижу далеко внизу домики колонии. Отсюда, сверху, работающие на берегу команды напоминают трудолюбивый муравейник. Стоящий в бухте «Литке» не больше точки. Залив чист и прозрачен. Но полоса голубой воды становится все уже. Видимо, началось наступление льдов.

«Литке» во льдах

От далеких снежных пиков и глубоких синих долин внимание мое все более отвлекается в сторону моря. На моих глазах происходит неожиданное изменение. Державшиеся все эти дни неподвижно на горизонте льды теперь быстро надвигаются на нас.

Я поспешила вниз. Утром залив был совершенно чист от льдов и синь, а когда я в сумерках возвращалась в шлюпке к «Литке», возле самого борта его колыхались большие льдины.

Внезапно начавшаяся передвижка льдов объясняется наступлением периода наибольших приливов и отливов и соответственным изменением течений. Вчера лишь был ясный летний день, а сегодня снег покрыл берега белым саваном.

К счастью успели во-время, до наступления льдов, выгрузить топливо, продовольствие

и все остальное. Постройки на берегу почти закончены. Дом покрыт железом, перегородки и печи поставлены, даже стекла в окна успели вставить. Баня и сараи готовы. Сегодня подняли мачту радиостанции. В ознаменование этого события новый начальник острова, Минеев от имени колонии подарил команде несколько ящиков заграничного коньяку.

С оставшимися мелкими работами команда быстро справится, и если не произойдет чего-нибудь особенного, завтра оставим остров. Судовые кунгасы, вельботы уже подняты на борт. Новые колонисты переселились на берег, а старые перебрались на «Литке».

За семь дней лихорадочной работы на острове Врангеля команда исхудала, люди выглядят совсем измученными. Но, несмотря на усталость, на полученные многими ушибы и ранения, все продолжают работать с удивительным энтузиазмом, прилагая все усилия, чтобы как можно лучше устроить колонию, заботливо входя во все детали, стараясь все предусмотреть. Больные не отстают от здоровых, несмотря на протесты врача.

— Не уйдем, пока не забьем последнего гвоздя, — говорит команда.

Вид бухты Роджерса совершенно изменился благодаря новым постройкам. Вырос целый городок.

Мы забираем с собой шкуры медведей и песцов, убитых на острове Врангеля за три года, а также клыки моржей и мамонтов.

Пакгауз на горе раскрыт настежь. Перед ним развешены и разложены на земле шкуры огромных полярных медведей, волнистые белоснежные шкурки песцов с длинными пушистыми хвостами. Упаковывает их сам Ушаков с помощью Павлова, тщательно пересматривая каждую шкурку. Сколько среди них убитых им самим? С каждой связано какое-нибудь воспоминание. Вот они с Павловым только проснулись. В походной палатке — лютый мороз. Так не хочется вылезать из спального мехового мешка! Наполовину высунувшись из мешков, ползая, как улитка с раковиной, они зажигают примус, готовят завтрак. Но вдруг залаяли собаки. Забыв о завтраке, охотники прислушиваются, потом, словно по уговору, выскакивают из мешков, хватают ружья и в одних рубашках, босиком выскакивают на мороз, на снег.

— Медведь!

Полузамерзшие возвращаются они после отчаянной погони за медведем босиком по снегу на 46-градусном морозе и, увы, не находят завтрака. Собаки, воспользовавшись их отсутствием, уничтожили все.

За три года на острове Врангеля убито: 500 песцов, 300 медведей, собрано 2 500 килограммов моржовых клыков, большое количество мамонтовых.

По мнению Ушакова, имея пловучие средства, можно вдвое увеличить результаты охоты на острове Врангеля. Нормальная годовая продукция охоты, по его мнению, при том количестве охотников, какое сейчас имеется на острове, должна составить — 500 песцов, 100 медведей, 400–500 моржей.

Ушаков передал своему заместителю большие запасы оставшегося продовольствия, муки и огнестрельных припасов.

Сегодня Ушаков без меховой камлайки, в желтых крагах, серых бриджах и клетчатой рубашке ковбоя с отложным воротничком.

Минеев сидит в старом доме, знакомясь с делами. Подолгу совещается с старым начальником острова. Метеоролог Званцев уже вошел в курс работ с помощью начальника научной части «спасательной» экспедиции В. А. Березкина, обревизовал метеорологическую станцию и приступил к наблюдениям. Каждый день влезает он с записной книжкой на вышку и что-то отмечает. Званцев, сменяющий доктора Савенко, доктор Сенатский, радисты-мотористы Богданов и Шатинский, молодые, горластые, несдержанные, вносят много шума и суеты. Эскимосы поглядывают на них опасливо и по пятам ходят за старым начальником.

Старцев — русский охотник, женатый на эскимоске, паразитический тип (на Чукотке часто встречаются подобные ему русские, живущие за счет эскимосов, пользуясь родственными связями с ними), все дни не отстают от Минеева и Ушакова, умоляя оставить

его на острове и обещая исправиться.

— Оставайтесь, Старцев, — решает наконец Минеев, — но если не будете работать, вы ничего не получите. Имейте это в виду.

Эскимосы обратились к капитану с просьбой отвезти и передать от их имени родственникам, живущим в заливе Провидения и на мысе Чаплина, несколько тухтаков моржового мяса и письма, в которых они описывают свое житье на острове и зовут родных переселиться к ним. Дублицкий охотно согласился исполнить их просьбу.

Обратный путь

В 2 часа дня закончили работу на берегу. Колония устроена, мы можем со спокойной совестью оставить остров. Минеев сам торопит капитана сняться с якоря в виду угрожающего наступления льдов.

В самом деле медлить больше невозможно.

Экипаж предупрежден и весь в сборе; кунгасы и шлюпки подняты на борт еще вчера вечером. В кают-компании накрыт прощальный чай, после которого, пожелав счастливо оставаться островитянам, мы отправляемся в обратный путь. Но сможем ли мы пробиться сквозь льды? Признаки пока не совсем благоприятны.

За чаем все чувствовали себя, как всегда в момент расставания. Остающиеся на острове колонисты бодрятся, но лица у них вытянутые. В 8 часов резкий протяжный гудок ледореза обрывает неклеющийся разговор.

— Ну, простимся, товарищи, — произносит капитан Дублицкий.

Опять на корме собрался весь экипаж, как неделю назад, когда встречали первых колонистов острова. Теперь команда сердечно прощалась с оставшимися на острове новыми колонистами. Правда, расставаться грустно. За длинный рейс успели мы в кают-компании свыкнуться со всеми, даже с воплями дикарки Вайкики и гавайским хором граммофона, который также переселился на остров.

Минеев благодарит начальника экспедиции капитана Дублицкого и весь экипаж за внимательное и заботливое отношение и за все ими сделанное для колонии.

— Когда придет время нас сменить, — сказал Минеев, — мы будем просить, чтобы за нами послали «Литке» под командой капитана Дублицкого, в прежнем составе. Только в этом случае мы будем уверены, что судно дойдет.

Перецеловавшись со всеми, колонисты направляются к трапу. Окружившие Ушакова эскимосы не хотят садиться в байдару без него. Со слезами на глазах они тянут его за рукав, приглашая возвратиться с ними на остров. Они, кажется, только сейчас поняли, что начальник покидает их. Ушаков до крови закусил губу. Зинаида Афанасьевна и эскимоска Анна, обнявшись, плачут.

Сердитый, резкий гудок над нашими головами напомнил, что пора расстаться. Темнеет. Впереди ледяная дорога.

Плывя к берегу, колонисты салютуют из ружей. Отвечаем гудками и ракетами. Долго еще в сумерках воеет судовая сирена, а с берега кто-то, должно быть Званцев, взобравшись на возвышение, сигнализирует электрическим фонариком.

Уже в полной темноте дошли до мыса Гавай и отдали якорь, чтобы с рассветом двинуться с острова дальше.

Когда мы подходили к острову Врангеля, у мыса Уэринг была совершенно чистая вода, а теперь к нему вплотную подступили тяжелые полярные льды. Выход из пролива на север — путь, которым мы пришли, закрыт непроходимыми ледяными барьерами. Нам ничего другого не остается, как повернуть к Геральду. Может быть на наше счастье, последние штормы и ветры разломали и разогнали тяжелые льды, которые мы видели к югу от Геральда, и нам удастся пробиться в этом направлении.

Сегодня убили белого медведя. Капитан и тот поддался охотничьему азарту и прикончил медведя со своего мостика из винчестера.

Г. А. Ушаков, как только подняли медведя, не говоря ни слова, засучил рукава и принялся снимать шкуру с полным знанием дела. С убитого медведя снимается шкура немедленно, хотя бы дело происходило на 60-градусном морозе, и у охотника вываливался из заочевневших рук нож. Шкуру медведя, убитого нами в пути на остров Врангеля, погубили неумелым обращением; она вся облезла.

Весь этот и следующий день мы бились в тяжелых непроходимых льдах, подвигаясь за вахту не более полумили. К прежним повреждениям прибавилось новое: у левого гребного винта отломилась лопасть (около двух тонн весом). Но постепенно лед становился легче, проходимее, появились большие полыньи. 7 сентября вследствие густого тумана пришлось лечь в дрейф. Около четырех часов дня открылся остров Геральд милях в пяти. Тяжелые торосы не позволяют подойти к острову. Ученым очень хочется побывать на Геральде, но, имея серьезные повреждения судна, пробиваться к острову неразумно. К вечеру выходим на чистую воду.

Идем полным ходом по направлению к мысу Дежнева, останавливаясь каждые четыре часа для гидрологических исследований. Наконец-то, 8 сентября выбрались на открытый простор.

За завтраком все особенно оживлены. Вспоминаем, как старший помощник капитана собирался, в случае неудачи и бесславного возвращения во Владивосток, соскочить, не доходя до пристани, в воду и вплавь добраться до дома.

Один Дублицкий в это утро молчалив и озабочен. Покончив с завтраком и прикрикнув на свою собачку Дези, настойчиво требовавшую свою порцию сахара, капитан достал из кармана пачку телеграмм.

— Мы идем на помощь «Ставрополю», — сообщает он в наступившей тишине. — Сейчас я вам прочту телеграмму, которую я послал капитану Миловзорову, узнав по радио, что «Ставрополь» затерт льдами.

«Капитану «Ставрополя», 8 сентября, восемь утра, 60°34'—173°25';. Чистая вода. Свежий ветер и зыбь того же румба. Случае надобности предлагаю попутно оказать «Ставрополю» помощь в смысле проводки через льды. Дублицкий».

— Одновременно я посылаю телеграмму нашему американскому контрагенту Свенсену, — продолжает капитан. — Шхуна Свенсена «Нанук» находится в таком же положении, что и «Ставрополь», и нуждается в помощи.

Итак, возвращение откладывается на неопределенное время. Нам предстоят новые испытания во льдах на сильно поврежденном судне. Команда «Литке*» отнеслась к известию о том, что мы переменили курс и идем на помощь «Ставрополю», как на фронте относятся к приказу о новом наступлении.

Не дожидаясь ответа от Миловзорова, пошли полным ходом к мысу Северному. Снова — во льды.

К вечеру навстречу опять стали попадаться первые льдины.

Ночью получился ответ от Миловзорова:

«Литке. Капитану. Поздравляю благополучным выходом из льдов. Желаю дальнейшего счастливого плавания. Привет островитянам. В настоящий момент стою западной стороны мыса Северного. Льды окружили массив мыса, не пропускают к востоку. Штиль. Надеюсь при появлении какого бы то ни было ветра льды перегруппируются, пропустят. Дальнейший проход, по-видимому, будет хорош, судя по сведениям, которые сообщил Свенсену Полистер, проходя этот путь экипажем «Элизиф», Помощи пока не нуждаюсь. Понятно было бы очень целесообразно устранение непроходимой стоянки иметь лед около мыса Северного разбитым. Миловзоров».

Из этой телеграммы капитан Дублицкий сделал вывод, что пароход «Ставрополь» в помощи «Литке» не нуждается и, переменив курс, пошел своей дорогой к мысу Дежнева.

Северо-западный шторм — 10 баллов. Подойти к Уэлену невозможно. Обогнув мыс Дежнева, отдали якорь против дежневской фактории. Приплывшие с берега в эскимосской байдаре агент ГПУ и заведующий факторией рассказали нам о судьбе экипажа раздавленного «Элизифа». В очень сильный шторм дежневцы заметили в море отчаянно борющиеся с волнами две шлюпки. Дежневцы поспешили на берег, захватив канат. Бросили конец сидевшим в шлюпках, чтобы помочь им пристать к берегу, но к их величайшему удивлению, потерпевшие крушение мореплаватели не захотели высадиться на берег, переждать шторм, и продолжая бороться с страшными волнами, взяли курс на Америку.

Позднее пришло известие, что шлюпки благополучно добрались до о. Диомид, а оттуда и до Америки, но, спасая свою жизнь, американцы должны были сбросить в воду ценный груз — пушнину.

На следующее утро наши водолазы приступили к осмотру повреждений, полученных ледорезом.

Чумак облачился в свое водолазное снаряжение. Столпившиеся на корме любопытные были предупреждены судовым врачом, который обязан присутствовать при спуске водолаза, что, когда тот выйдет из воды, ему нельзя задавать никаких вопросов. Водолаз должен, прежде всего, притти в себя.

Второй водолаз, Скреблов, такой же дюжий, как и Чумак, с сосредоточенным видом надел на голову стоявшего перед ним в неуклюжем водолазном комбинезоне Чумака металлический шлем, привинтил гайки и, заботливо поддерживая его под руку, повел к трапу. С большим усилием Чумак поднял ногу с привязанными тяжелыми гирями, перешел через борт и стал спускаться по трапу. Вот сияющая медная голова скрылась под водой, по которой пошли круги. Водолаз отпустил трап и, действуя ногами, словно выскользнувшая из рук лягушка, уходил вглубь.

Доктор, вынув часы, смотрит на циферблат. Старший помощник вертит ручку аппарата, разматывая канат, к которому привязан водолаз. Скреблов, наклонившись над бортом, следит за тонким канатом, служащим подводным телеграфом, чтобы по малейшему знаку водолаза поднять его наверх. Вот Скреблов резко повернулся к старшему и тот, поняв его без слов, принялся вертеть ручку в обратную сторону. За бортом снова пошли круги, и у самого трапа вынырнула медная голова. Водолаз, с которого ручьями стекала вода, остановился на середине трапа, и Скреблов, нагнувшись над бортом, принялся отвинчивать на нем шлем. Поднятый медленно, с большими предосторожностями шлем открыл бледное лицо тяжело дышавшего водолаза. Скреблов помог ему выбраться на палубу и, отстранив напиравший экипаж, увел Чумака в кубрик. Доктор пошел за ними.

Обнаруженные Чумаком повреждения оказались еще более серьезными, чем предполагали. Итти опять в Ледовитый океан, во льды, без одной лопасти и с прочими дефектами было бы безумием.

«Ставрополю» пришлось сообщить:

«Ставрополь. Капитану. Осмотренные повреждения исправить судовыми средствами невозможно. Итти в настоящем положении ледореза в полярные льды бесполезно. Дублицкий».

Отойдя от Дежнева, стали на якорь у мыса Нунягмо в ожидании рассвета. Шторм. Ветер — 10 баллов.

Дежневские гости, агент ГПУ и заведующий факторией не могли быть высажены на берег вследствие слишком сильного прибоя и остались на борту «заложниками», как мы их прозвали.

В залив Лаврентия пришли 12 сентября рано утром. Ветер не утихает, большая волна сильно качает, хотя стоим на якоре. Рядом с нами стоит пароход «Теодор Нетте» со снабжением для чукотских факторий АКО, которого с таким нетерпением ожидали на побережье. Мы должны передать «Нетте» неприкосновенный зимовочный запас, который нам теперь уже не может пригодиться, но сильная зыбь не позволяет наладить сообщение между пароходами.

Пока перегружаем уголь из кормовых помещений в угольные ямы. На следующий день, перейдя в глубь залива, под прикрытие островка Беннет, приступили к перегрузке зимовочного запаса на «Теодор Нетте».

Плавание «Теодора Нетте» сопровождалось крупными неприятностями вследствие того, что он вышел из Владивостока с большим опозданием и попал в полосу осенних штормов. На «баре» в Майна-Пыр перевернулась шлюпка, высланная с «Теодора Нетте» и утонул рулевой. Судно получило течь. Грузовое помещение залило водой. Подмочены мука и сахар. Убыток достигает сорока тысяч рублей.

Несмотря на это в нынешнем году фактории на побережье будут снабжены лучше, чем в прошлые годы.

У нас прибавились пассажиры. Капитан согласился принять на борт и доставить во Владивосток изыскательную партию «Союз-золото», покидающую залив Лаврентия.

Вечером золотоискатели перебрались на «Литке» со своими пожитками. Команда, помогавшая инженеру Сергиевскому поднять на борт чемоданы и ящики с геологическими коллекциями, спрашивала:

— Что это такое тяжелое, должно быть, золото? Ну, будет пожива Петропавловской таможне!

В полночь, в шторм оставили залив Лаврентия.

Однообразный, скалистый, покрытый снегом Чукотский берег. Дикостью веет от него.

В обеденное время прошли большое раскинувшееся на берегу селение Чаплин. Долго выла сирена на «Литке», вызывая чаплинцев, которым мы должны были передать подарки с острова Врангеля. Но столпившиеся на берегу эскимосы даже не пытались спустить байдару в воду — был слишком большой прибой.

— Ничего, они свое получают, — уверяет Ушаков. — Провиденские чукчи сумеют переслать чаплинским их долю. Себе не присвоят. Среди эскимосов этого не водится.

Войдя в бухту Провидения, ошвартовались к угольной базе. База — огромная гора каменного угля, сложенного под открытым небом на пустынном берегу. Рядом вонзился в землю заржавленный якорь — причал.

Глубокая прозрачная бухта с плавающими и пускающими фонтаны китами, окруженная высокими горами и дикими скалами, — наредкость живописна. Если бы бухта Провидения не была на «краю света», она, несомненно, посещалась бы туристами, на ее берегах красовались бы гостиницы, дома отдыха, санатории. Если бы! А сейчас в бухте один-два дома (брошенная фактория) да несколько эскимосских яранг, виднеющихся на противоположном берегу.

На дне байдары, несущей нас к берегу, лежат мягкие тухтаки с моржовым мясом. От них противный кислый запах, но сидящий на веслах болезненный и худой, одетый в меховые лохмотья эскимос смотрит на них с жадностью.

— Вот такими же, как этот эскимос, были и наши, которых мы видели на острове Врангеля, — говорит Ушаков.

В бухте Провидения эскимосы имеют жалкий вид: замороженные, голодные — кости да кожа, в коросте, в язвах, с воспаленными, гноящимися глазами, одеты они в облезлые лохмотья, которые давно перестали греть.

Фактория перенесена из Провидения за несколько десятков миль.

Эскимосы говорят:

— Заведующему факторией не понравилась квартира, холодно было зимой, не захотел жить в бухте Провидения.

Покидая бухту Провидения, заведующий факторией оставил эскимосам только несколько мешков муки. Надвигается зима, а у них нет ни мяса, ни оленьих шкур, которые могли бы защитить их от холода, ни огнестрельных припасов. Пароходы проходят мимо, не

заходя в бухту.

На берегу нас поджидает толпа эскимосов. Узнав начальника острова Врангеля — Ушакова, — эскимосы обступили его с радостными возгласами, расспрашивая о своих родных. Ушаков передавал направо и налево поклоны и поручения колонистов. С воодушевлением, которого я не замечала в нем в кают-компании, рассказывал он им о жизни на острове Врангеля, об охоте, обо всем, что могло интересовать эскимосов. Слушатели громко выражали свое изумление и восторг, качали головами, ударяя себя ладонями по бокам. Но восторг их перешел всякие границы, когда Ушаков, раскрыв портфель, вывалил на колени сидевшей перед ним на корточках старухи фотографические снимки с острова Врангеля. Эскимоски и эскимосы залились детским радостным смехом и захлопали в ладоши, узнав на снимках родных и знакомых. Они поражались и радовались происшедшей в них перемене, их здоровому, сытому виду, красивой меховой одежде и расспрашивали Ушакова о том, что сделать, чтобы переселиться на остров Врангеля, когда туда снова поедет экспедиция.

Наблюдая Ушакова и эскимосов, я думала о том, как много у него любви к этому бедному заброшенному и дикому народу и как ценны на далеких окраинах такие люди, как Ушаков.

Ушаков еще не успел доехать до материка, как им уже овладело стремление примкнуть к новой полярной экспедиции. Узнав от ученых, что на Северную землю отправляется экспедиция «Седова», он послал в центр телеграмму с предложением поехать на остров и остаться там для исследований.

Яростный и голодный лай собак на берегу напомнил нам об оставленных в байдарках тухтах. Разделив подарки, эскимосы тут же, отрезав по доброму ломтю, с жадностью принялись за сырое мясо, отгоняя пинками собак и бросая им куски.

В брошенной фактории поселились эскимосы, устроившись по-своему: вонь, грязь, нищета. Только у одной семьи лучшего охотника меховой полог, остальные спят на лохмотьях, прикрываясь тряпьем. Позади фактории, на холме виднеется несколько крестов. Поднимаемся на холм. Пять могил. Надписи почти стерлись. На двух крестах едва разобрали: «Бородин, 1905 год», «...Вечная память Антону Маузетти». Под маленьким холмиком, обложенным зеленым дерном, похоронен сын переводчика Павлова, переселившегося на о. Врангеля.

Погрузка закончилась. Взяли 600 тонн угля, сообщаясь с берегом по своеобразному понтонному мосту, быстро сооруженному с помощью судовых кунгасов, и досок. Осталось поднять кунгасы, запастись пресной водой — и в путь.

Ночь. Шторм. Часть команды на берегу уже несколько часов надрывается в попытках стащить в воду тяжелый кунгас. Прожектор с «Литке» освещает на берегу матросов, тянущих на канатах тяжелый кунгас к воде и то и дело окатываемых налетающими ледяными шквалами. Снарядили шлюпку с добровольцами на подмогу им.

В бухте глубокая, хорошая пресная вода, но заход туда отнимет несколько дней. Решили взять воду в бухте Эмма из небольшого, расположенного неподалеку от угольной базы стоячего загрязненного озера. Капитан Дублицкий отмачивал в нем черепа убитых им медведя и моржа. Маленькие рачки, кишевшие в озере, лучше всякого ученого препарата очищают черепа.

Во время обеда раздались крики: «Пароход, пароход!» В залив Провидения шторм загнал проходивший мимо пароход «Сергей Лазо». Он обходил рыбалки и консервные заводы, снимая сезонных рабочих, — русских и японцев. «Сергей Лазо» переполнен

пассажирами, спящими на палубах и в проходах. Все они, большей частью, искатели и искательницы приключений, прожженный народ. Женщины в мужских куртках с карманами, с папиросками в зубах, разбитные.

От «Сергея Лазо» на целую милю несло тухлой рыбой. По неосторожности, мы позаимствовали у него пресной воды (40 тонн), и это нам испортило до Петропавловска чай и обед. Вода «Сергея Лазо» тоже пахла тухлой рыбой и притом была соленой. Очевидно, в цистерну с водой каким-то образом просочился рыбный рассол.

Мясо у нас все сильно паховало и не все могли его есть. Но все это было пустяками. Мы чувствовали себя почти дома. Каждая пройденная миля приближала нас к Владивостоку.

Пять суток от Петропавловска до Провидения шли при свежем ветре и сильной мертвой зыби...

Ночью, подходя к Петропавловску, видели колоссальный столб дыма и огня, поднимавшийся над огнедышащим Ключевским вулканом.

В Петропавловск вошли победителями. Стоявшие на рейде суда, зафрахтованные Совторгфлотом, китайский пароход и «Якут» первыми подняли флаги, приветствуя ледорез, возвратившийся из полярного похода. Почет, с которым «Литке» встретили в Петропавловске, смутил и обрадовал наших моряков. Они совершенно искренне говорили, что не понимают, почему их встречают, как героев: «Ведь, мы только исполнили свой долг». В центральном городском клубе состоялась торжественная встреча экспедиции. С докладами выступили Дублицкий и Ушаков.

На сцене, на классной доске висела большая, написанная на полотне от руки, карта Ледовитого океана с островом Врангеля и нашим путанным дрейфом перед ним. К. А. Дублицкий опоздал немного и задержал торжество, воюя со своим крахмальным воротничком.

С напряженным вниманием был выслушан интересный доклад Ушакова о его трехлетнем пребывании на острове. Публика, набившаяся в театр, наполовину состояла из промышленников и охотников. Ушакова, после его доклада, засыпали практическими вопросами об условиях охоты на острове Врангеля.

В Петропавловске нам оставалось только сдать в конторе АКО остатки неприкосновенного запаса, взять немного воды и угля. Наш полярный рейс закончился. В первый раз за весь поход капитан на целый день освободил команду от работы, отпустив ее на берег.

Вечером на корме веселье: пение, пляска, от которой ломится палуба и сотрясается корпус ледореза, как во время шторма. Высокий, черноусый матрос украинец, стоя в кругу, запекает, команда подхватывает, а дирижирует хором капитан, без воротничка и галстука, с расстегнутым воротом, помолодевший лет на 20, не капитан, а самый что ни на есть бесшабашный матрос. Веселье длилось, до утра.

Сегодня в Петропавловский порт возвратилось сторожевое судно «Красный Вымпел», провожавшее до Алеутских островов аэроплан «Страна Советов».

Находившиеся на «Красном Вымпеле» военные летчики, несшие земную службу во время перелета «Страны Советов», пересели к нам, на «Литке».

В Петропавловске «Литке» взял еще 27 пассажиров, которые разместились в освобожденных кормовых помещениях.

На пути Петропавловск — Владивосток нам пришлось испытать все прелести морского путешествия по восточным морям в осеннюю штормовую погоду.

Обратно идем уже не через Сангарский пролив, а Охотским морем и проливом Лаперуза, пользующимся недоброй репутацией у моряков. В проливе нередко тонут суда.

В Охотском море сильнейшая килевая качка, уложила почти всех пассажиров на койки. Нос ледореза зарывается в волны, которые докатываются до рулевой будки. В

кают-компания протянули веревки, удерживающие стулья, а на столе устроили загородочки для тарелок и стаканов, но обедающих было мало. Жидкое горячее не готовилось. Моряки, у которых во время качки сильно разыгрывается аппетит, ворчали.

В каютах пассажиров, не успевших привязать чемоданы, мелкие вещи подбрасывались качкой и звенели словно монеты в копилке.

Но стоило утихнуть качке, как один из летчиков сел за рояль и в кают-компанию, словно замороженные тараканы, приползли пассажиры с помятыми, желтыми лицами. Желудки у всех были пусты, все с жадностью набросились на припасенные на всякий случай заботливыми буфетчиками порции.

Поздно ночью прошли близко от острова Сахалина. В темноте с обоих бортов светили огни маяков. Справа был южный берег Сахалина, слева — северный берег Хоккайдо (Иезо). В Японском море тише. Пасмурная погода, спокойное море.

7 октября подходим к Владивостоку.

Во Владивостоке узнали о приближении «Литке» за пять минут до того, как мы ошвартовались к таможенной пристани. Со всех сторон к пристани бежали люди. На набережной останавливались трамваи, пассажиры высовывались из окон и махали платками.

В окрисполкоме происходило в это время какое-то важное заседание с представителями общественных и партийных организаций. Совещание было прервано и в полном составе участников направилось на пристань для встречи «Литке».

Рейс удался. Ледорез, сверх всякого ожидания, оправдал возлагавшиеся на него надежды. Уверяли, что «Литке» не возьмет и тонны груза для острова Врангеля, но «Литке» довез даже больше, чем предполагалось. В расходе угля за весь рейс получилась большая экономия против цуморовской нормы, несмотря на неважный уголь.

Ледорез «Литке» показал, что он прекрасное судно. Он останавливался только в тяжелых льдах в 10 баллов, в условиях, в которых вообще не может идти ни один ледокол. Но уже при 9 баллах «Литке» мог продвигаться, как бы ни был тяжел лед. Наличие двух крепких винтов является не недостатком, как доказывали противники посылки «Литке» на остров Врангеля, а, наоборот, большим преимуществом его перед судном с одним винтом, так как облегчает управление судном во льдах. В этом мы убедились во время рейса. Но, несмотря на все свои достоинства, ледорез «Литке», как экспедиционное полярное судно, обладает недостаточным районом плавания, и посылать его в Ледовитый океан в рейсы более длительные, чем плавание к острову Врангеля, не следует.

«Литке» первое судно, которому удалось подойти к острову Врангеля не с юго-востока, а с северной стороны о. Геральд. Путь этот не пользовался хорошей репутацией у полярных мореплавателей, так как мог увлечь судно к северному полюсу. Но «Литке» пошел на риск и достиг о. Врангеля.

Врангель освоен. Наблюдения Георгия Алексеевича Ушакова над ледовым режимом дают материал для плавания и меняют взгляд на недоступность острова.

Располагая этими материалами и поддерживая радиосвязь с островом, можно использовать короткий период навигации и подойти к острову с меньшими трудностями. Вместо дорогого «Литке» можно пользоваться более легкими и дешевыми судами.

Колонизованный Врангель будущая база для исследования белого пятна на карте.

С каждым годом становится все меньше необследованных мест на земле. С каждым годом становится все меньше белых пятен на картах. Но все же они есть, и люди не успокоятся до тех пор, пока не исчезнут последние белые пятна, с карты земли!

Примечание, сделавшего этот файл valeryk64:

Другие книги по этой теме:

Г. А. Ушаков «Остров метелей». <http://lib.rus.ec/b/332970>

Э. Лухт, Н. Бобров «Год на острове Врангеля»
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4005222>.

